

ЕГИПЕТ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ EGYPT AND NEIGHBOURING COUNTRIES

Электронный журнал / Online Journal

Выпуск 1, 2016

Issue 1, 2016

А. А. Войтенко

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ПОЧЕМУ УДАЛИСЬ АРАБСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ? АНАЛИЗ ВОЕННЫХ И СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, ОБУСЛОВИВШИХ УСПЕХ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ VII ВЕКА», ИСАА МГУ, 25 АПРЕЛЯ 2013 Г.

25 апреля 2013 г. в рамках «Ломоносовских чтений» в ИСАА МГУ (секция востоковедения, подсекция: «Религия стран Азии и Африки: история и современность») состоялось заседание, посвященное проблематике христианского Востока. Отдельное заседание по данному вопросу впервые прошло почти 10 лет назад и впоследствии стало традиционным. Однако на этот раз организаторы предприняли новый эксперимент — был проведен круглый стол на тему арабских завоеваний VII в., к участию в котором были приглашены не только арабисты и исламоведы, но и византинисты, а также специалисты по истории Ирана и различных регионов христианского Востока. Это позволило рассмотреть проблему с разных культурно-цивилизационных ракурсов.

Актуальность данного вопроса для изучения истории стран ближневосточного региона, Северной и Северо-Восточной Африки была сформулирована организаторами следующим образом:

Едва ли какой сюжет может сильнее задеть византинистов и знатоков христианского Востока, чем эпический VII век, осевое время в судьбах Евразии, эпоха Великих арабских завоеваний. Она представляет собой один из самых удивительных эпизодов мировой истории. Границы цивилизаций, незыблемо стоявшие семь веков, были сметены за десятилетие. Сложилась нынешняя культурно-цивилизационная конфигурация Восточного Средиземноморья и Передней Азии. <...> Арабские завоевания отличаются поразительной, неправдоподобной легкостью. <...> Военно-демографический потенциал соседних империй превосходил возможности арабов на порядок: тяжелая конница катафрактариев, боевые слоны, неприступные крепости. Исход сражений при Ярмуке и Кадисии противоестественен. Что естественно — так это результат битвы при Муте 629 года, когда маргинальный гассанидский царек размял трехтысячное войско мусульман, огромное по хиджазским меркам. Почему через несколько лет всё так изменилось?

В качестве конкретных вопросов для обсуждения было предложено рассмотреть военно-техническую составляющую арабских завоеваний (численность, вооружение, тактику,

дисциплину, мотивацию противоборствующих армий), процессы, свидетельствующие о социально-политическом и моральном кризисе, который переживали противники мусульманской Аравии — Византия и Сасанидский Иран.

К. и. н. К. А. Панченко¹ в своем сообщении «Военный потенциал Аравии в эпоху Великих завоеваний», открывшем круглый стол, рассмотрел численность, вооружение и тактику арабской армии в этот период. Было отмечено, что к моменту начала завоеваний население Северной Аравии составляло примерно 3 млн кочевников и 300 тыс. жителей оазисов, а соотношение сил воюющих армий можно оценивать как 3:2 или 2:1 в пользу противников арабов. По качеству вооружения арабы в начале завоеваний сильно отставали от Византии и Ирана, но через четыре года войны, после побед при Ярмуке и Кадисии, за счет трофейного оружия смогли сравняться с ними. В сражениях арабы, как правило, предпочитали оборонительную тактику, выгодно используя рельеф местности, и, уступая в численности, превосходили противника в мобильности и скорости передвижения. Им, в отличие от многих их противников, был свойственен агрессивный наступательный порыв, а их полководцы не страдали нерешительностью. Новая религия, объединившая арабские племена накануне вторжения, привнесла в их армию гораздо больше жертвенности, дисциплины и сплоченности, чем то было свойственно бедуинам доисламской Аравии. Если до принятия ислама арабы являлись игрушкой в геополитических замыслах своих соседей и не имели никаких экспансионистских амбиций, то с момента обретения ими новой религии в их сознании произошел значительный ментальный сдвиг, который в конечном итоге перекроил культурно-политическую карту всего Ближнего Востока и Средиземноморья.

К. и. н. П. В. Кузенков сделал сообщение о состоянии византийской армии в начале VII в. Как отметил выступавший, при скудном состоянии источников по данной теме всё же можно утверждать, что в указанное время византийцы обладали лучшим войском в регионе, сочетавшим в себе традиционные черты римской армии и новые элементы (например, значительное усиление роли конницы). Важную роль играл религиозно-идеологический компонент — идеологии благочестивого воинства и справедливой («священной») войны. К сильным сторонам византийской армии докладчик отнес передовые вооружение и снаряжение, взятые у разных народов (аваров, готов и т. д.); к слабым — формирование армии по национальному признаку и почти полное отсутствие в ней греков (структурообразующего на тот момент этноса), уклонение от генеральных сражений (что можно расценивать как серьезный стратегический недочет), отсутствие в армии, вследствие ее идеологизации, представителей христианских общин, находившихся в оппозиции к официальной Церкви (исключение составляли только ариане-германцы), а также рекрутский характер формирования войска. Одной из основных причин поражения византийцев был назван морально-психологический фактор: император Ираклий расценивал военные провалы как личное поражение и наказание за грехи. Результатом такого отношения стала деморализация армии. Докладчик подробно рассмотрел ход битвы при Ярмуке, во время которой арабы выгодно использовали преимущества легкой кавалерии со стременами против тяжелой кавалерии византийцев (после этого сражения тяжеловооруженная конница в византийской армии почти полностью исчезла).

Выступавший также обратил внимание аудитории на тот факт, что в «Стратегиконе» Маврикия, источнике, рассматривающем сильные и слабые стороны народов, которых империя считала своими противниками, арабы не упоминаются, из чего можно сделать вывод: в начале VII в. византийские элиты не считали их потенциальными врагами².

Сообщение к. и. н. И. Н. Попова, посвященное «темным векам» в истории Византии, носило ярко выраженный полемический характер. По мнению докладчика, весь корпус нарративных источников, освещающих проблему арабских завоеваний как с византийской, так и с араб-

¹ В настоящее время д. и. н.

² По материалам докладов К. А. Панченко и П. В. Кузенкова вышла совместная статья. См.: Кузенков П. В.,

Панченко К. А. «Почему удались арабские завоевания?», *Восточная коллекция* 3 (2015): 66–78.

ской стороны, не заслуживает доверия. Источники были написаны довольно поздно, в среднем через 150–200 лет после завоеваний, а до тех пор сведения о них сохранялись исключительно в устной традиции и могли в значительной степени превратиться в легенды, утратить историческое ядро. Они также характеризуются схематизмом, обусловленным традициями средневекового историописания, и в целом не отражают реальной картины VII в. Кроме того, позднейшие арабские историки смотрели на произошедшее с позиций уже сложившейся религиозной традиции, тогда как в VII в. ислам еще находился в стадии формирования и, соответственно, мотивы завоеваний и их идеологическая подоплека могли быть иными.

Наименее правдоподобной докладчику показалась содержащаяся в источниках информация о численности армий и конкретном ходе сражений. Он призвал сконцентрироваться на более, с его точки зрения, перспективных для изучения данной темы вопросах — проблеме распада крупных обществ, их социальной деградации и архаизации накануне вторжения арабов, а также проблеме идентичности на разных социокультурных уровнях этих обществ.

Следующий докладчик, к. и. н. М. В. Грацианский, в начале своего сообщения «Этно-религиозные трансграничные сетевые структуры на Ближнем Востоке в начале VII в.» в порядке полемики с предыдущим выступавшим указал на своего рода «презумпцию невиновности» источника — содержащиеся в нем сведения верны, пока не приведено четких, ясных и конкретных аргументов, доказывающих обратное. Он отметил опасность гиперкритического подхода, который, наряду с излишним доверием к источнику, может сильно исказить реконструкцию исторических событий. По его мнению, источники необходимо исследовать комплексно, привлекать весь их массив и внимательно сопоставлять их данные между собой.

Переходя непосредственно к теме своего сообщения, М. В. Грацианский отметил сложность ситуации в Византийской империи VI–VII вв., представлявшей собой полиэтничное, поликонфессиональное и поликультурное образование, где интеграционные процессы часто вступали в довольно сложные отношения с культурным своеобразием и особой идентичностью населения некоторых регионов. Основное место в выступлении было отведено анализу иудейских общин Византийской империи как особой «сетевой группы» и их возможной роли в ходе арабских завоеваний. Согласившись с мнением некоторых израильских ученых о том, что проживавшие в империи иудеи в этническом отношении не представляли собой целого, докладчик отметил их четкую религиозную идентичность. Основываясь на изучении ряда источников, он предположил, что иудеи могли быть единственной значимой силой внутри империи, выступившей против нее и поддержавшей арабов. В частности, он высказал предположение о том, что накануне своего выступления против Византии арабы могли быть очень хорошо информированы о кризисе, который она в тот момент переживала.

Сообщение к. и. н. А. А. Войтенко «Арабские завоевания и интеграция империи. Взгляд из Египта» было посвящено некоторым военным и церковно-политическим проблемам Византийской империи накануне арабских завоеваний.

Докладчик высказал предположение о том, что границы, где остановилась арабская экспансия, могли совпадать с границами имперской интеграции, существовавшими в тот момент. В качестве примера он привел Каппадокию — историческую область, находившуюся практически в центре Византии, процесс интеграции которой в империю успешно завершился ко времени арабского вторжения. В ходе этого процесса, наиболее интенсивно шедшего в IV–VI вв., Константинополь использовал различные стратегии и ресурсы, в том числе активно работал с местными элитами, подчинял христианскую общину Каппадокии столичному патриархату, успешно боролся с нехалкидонитами на ее территории и т. д. Целью такой политики был слом региональной идентичности и максимально возможная ассимиляция этой исторической области в рамках империи. Докладчик предположил, что на интеграцию районов, лежавших вне географического центра Византии, слабее эллинизированных, имевших ярко выраженное этно-культурное своеобразие, центральной власти требовалось гораздо больше времени, а значит, отпадение их от империи в ситуации глубокого внутреннего кризиса и (или) серьезного военного вторжения было делом почти неизбежным.

Проанализировав эффективность военных частей, расквартированных в Египте в IV–V вв., докладчик заключил, что войска могли успешно отражать набеги небольших варварских отрядов, тогда как более многочисленная военная сила была способна пробить оборонительные рубежи (например, на южном направлении) и глубоко вклиниться во внутренние районы провинции. Основываясь на результатах новейших исследований фрагментов «Хроники» Иоанна Никиусского, содержащих сведения о завоевании Египта арабами, он предположил, что арабы могли применить там необычную тактику, к которой византийцы оказались не готовы. Возможно, завоевание происходило с юга, арабы избегали прямых столкновений, оставляли в тылу незанятые города, но брали под контроль хору. В порядке полемики с некоторыми тезисами доклада И. Н. Попова А. А. Войтенко отметил, что «Хроника» Иоанна Никиусского не укладывается в предложенную им схему, поскольку ее автор не являлся типичным представителем византийской историографии и не имел никакого отношения к арабской традиции, а сама «Хроника» была написана не через 150–200 лет после завоеваний, а гораздо раньше³.

По мнению докладчика, безразличие основной части населения Египта к вторжению арабов можно объяснить тем, что империя так и не стала для нее смыслообразующей ценностью. Причины этого кроются в религиозном и социокультурном явлении, которое иногда называют «трагедией Халкидона». Вероятно, ко времени патриарха Дамиана (578–607) в южных районах Египта сложилась полулегальная нехалкидонская сеть, которая затем легализовалась при арабах. К началу арабского завоевания практически все известные монастырские центры Верхнего Египта придерживались нехалкидонской христологии, а некоторые их лидеры (как показывает анализ коптских источников) относились к халкидонитам крайне негативно. Церковная политика, проводившаяся в империи накануне вторжения (монофелитская «уния»), была наихудшей из всех возможных. Однако, по мнению докладчика, признание нехалкидонских общин как законно существующих церквей в рамках империи и включение их в качестве полноправных субъектов права в процесс имперской интеграции (с учетом их идентичности) было невозможно, поскольку противоречило основным ментальным установкам византийской правящей элиты, мыслившей в категориях «одна империя — одна церковь».

Всё это, по мнению выступавшего, привело к сравнительно быстрому завоеванию Египта арабами.

В конце доклада А. А. Войтенко отметил, что завоевание подразумевает не только захват территории, но и удержание ее под своим контролем на протяжении значительного времени. Однако в рамках заявленных в выступлениях тем практически не было уделено внимание рассмотрению факторов, приведших к тому, что арабам удалось сохранить захваченные территории. По его мнению, одной из причин успеха арабов явилась эффективная (по крайней мере, на первых порах) религиозная политика: христианским общинам была предоставлена широкая внутренняя автономия, а добровольный переход в ислам открывал возможность быстрого изменения социального статуса.

Выступление к. и. н. Д. Е. Мишина «Могли ли Сасаниды сдержать арабскую экспансию?» представляло собой попытку проанализировать состояние военного дела при поздних Сасанидах и на основе этого оценить их шансы в противоборстве с арабами. Было отмечено, что сасанидское войско плохо переносило длинные походы, что проявилось и во время кампании, завершившейся битвой при Кадисии (636 г.). Боевые слоны персов были уязвимы и, если получали ранения, могли смешать строй своего войска. Луки, основное оружие персов, по некоторым сведениям, уступали арабским. Все эти слабые места сасанидских войск проявились в ходе противоборства с арабами и в немалой степени предопределили военное поражение Сасанидской державы.

³ Предположительно, Иоанн родился в 40-х гг. VII в., а около 696 г. занял епископскую кафедру в Никиу, то есть он, скорее всего, не был очевидцем описываемых им событий, но от них его отделяло только одно поколение.

К. и. н. В. В. Орлов⁴ в своем сообщении «Арабское завоевание Магриба: природа процесса» отметил, что источники по данной теме содержат много легендарной информации, но основные параметры процесса всё же можно реконструировать. Он указал на значительную разницу между завоеваниями арабами территорий Византии и Сасанидского Ирана, произошедшими поразительно быстро, и покорением ими Магриба, которое заняло около 70 лет (с 642 по 710 г.). Причиной этого, по его мнению, явился целый комплекс факторов: сложные условия местности, специфика боевых действий с кочевыми берберскими племенами и т. д. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что покорение Магриба было главным образом инициативой отдельных арабских военачальников. Также имела место разница в целях предприятия: предполагалась не полная оккупация Магриба, а создание там контролируемых территорий.

Столкнувшись со своим «подобием» (по образу жизни, особенностям ведения боя и боевой оснащённости берберы-кочевники сильно напоминали их самих), арабы перешли к хорошо известной им тактике скоростных налетов, которая, однако, долгое время не давала эффективных результатов. Параллельно со стычками шел процесс исламизации берберов, но он носил неустойчивый и обратимый характер (зафиксированы случаи, когда берберы переходили от язычества к исламу и наоборот до 10 раз). Положение изменилось к началу VIII в., когда арабы перешли к тактике договоров с берберами, широко используя при этом «технологии» смешанных браков (правда, арабы, заключая договоры, всегда считали себя «старшими»). По мнению докладчика, такая тактика и позволила, в конечном итоге, решить проблему покорения Магриба.

В обсуждении проблематики круглого стола, которое подчас носило весьма оживленный характер, помимо докладчиков приняли участие проф. Ф. М. Ацамба, д. и. н. С. А. Кириллина, к. и. н. Т. Ю. Кобищанов и др. По просьбе некоторых участников Д. Е. Мишин сделал небольшое сообщение об арабских завоеваниях на Пиренейском полуострове и возможных причинах разгрома арабов в битве при Пуатье.

В ходе обсуждения были затронуты и другие проблемы — степень влияния иудаизма и христианства на генезис ислама (против чего решительным образом выступила С. А. Кириллина, указав, что ислам следует рассматривать как вполне самостоятельный религиозный феномен), оригинальность и состоятельность арабо-исламской культуры (по мнению некоторых участников круглого стола, исламская культура — это «пестрый ковер» заимствований из культур покоренных и соседних с ними народов), роль арабской письменности и политических «технологий» арабов в последующем развитии государств Ближнего Востока и т. д.

В целом участники круглого стола согласились с мнением о том, что первый опыт организации подобного рода мероприятия — круглого стола с привлечением столь широкого круга специалистов — оказался удачным, в том числе потому, что данный формат может рассматриваться как наиболее эффективный способ обмена научной информацией, позволяющий всем участникам дискуссии взглянуть на проблему «спектрально» и неоднородно. Было высказано пожелание сохранить такую форму организации для последующих заседаний в рамках ежегодных «Ломоносовских чтений» в ИСАА.

⁴ В настоящее время д. и. н.